

Использование латинских юридических максим в российской судебной практике

Основное внимание было уделено использованию максим «никто не может передать другому больше права, чем имеет сам» (*nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*), и «с превышением полномочий» (*ultra vires*). Это обусловлено попыткой установить, применяются ли данные выражения к оценке действий органов исполнительной власти.

В ходе исследования было проанализировано порядка 1000 актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Поиск дел осуществлялся с использованием СПС КонсультантПлюс, интернет-ресурса Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт), портала <https://ras.arbitr.ru/>. Анализировались все соответствующие целям исследования дела, представленные на данных ресурсах.

Отчёт разбит на разделы в соответствии с теми группами вопросов, которые наиболее часто рассматривались в проанализированных судебных актах.

Общие аспекты использования латинских выражений в правоприменительной практике

В результате проведённого исследования судебной практики было установлено, что использование латинских юридических терминов распространено в судебной практике и не представляется каким-либо редким и недопустимым явлением. Не было обнаружено случаев, когда законность вынесенного решения ставилась под сомнение по причине использования судом в своей аргументации латинских юридических терминов. Также несмотря на общее правило о том, что судопроизводство и делопроизводство в судах ведутся на русском языке - государственном языке Российской Федерации, суды беспрепятственно используют латинские термины не рассматривая их как использование иностранного языка.

Среди множества случаев обращения судами к латинским терминам можно выделить следующие.

Пояснение происхождения используемых терминов.

Так, при разъяснении выбора способа защиты права собственности суд указал на негативный иск. Такое указание сопровождалось пояснением о том, что это название иска происходит от «от латинского *actio negotiorum gestorum* - отрицающий иск»¹.

В делах, связанных со страховым возмещением, суды обращают внимание на происхождение термина «страховой случай», указывая на его связь с латинским «*casus* – «падение, гибель, событие, обстоятельство, случай, повод»².

Рассматривая природу отдельных договоров можно встретить рассуждения о правильности понимания термина «консенсуальный договор». В таких спорах обращаются и к происхождению этого термина от латинского «*consensus*» - *согласие*³.

¹ Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 30 марта 2011 г. по делу № 2-343/2011

² Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 29 сентября 2014 г. по делу № 2-2283/2014, Решение Советского районного суда г. Волгограда от 17 мая 2011 г. по делу № 2-1274/2011

³ Определение Центрального районного суда г. Кемерово от 19 июня 2013 г. б/н

Реже можно столкнуться со случаями, когда латинский термин используется вместо существующего сегодня в законодательстве. При этом термин на русском языке чаще всего указывается следом в скобках. Так было, например, в случаях использования терминов «*luerum cessans*» (реальный ущерб) и «*damnum emergens*» (унущенная выгода)⁴.

Наиболее часто можно столкнуться с применением термина «*de facto*». В ходе анализа было выявлено более 50 подобных случаев. Обращаясь к этому термину суды стремятся продемонстрировать именно разницу между отношениями, сложившимися фактически и их юридическим оформлением⁵.

Суды обращаются и к категории добросовестности – «*bona fides*»⁶. Такое обращение может сопровождаться пояснением, например, о том, что ни одно право не может осуществляться с намерением причинить вред другому или в чрезмерной и неблагоразумной манере, так как это противоречит требованиям добросовестности.

Все подобные случаи объединяет то, что использование латинских юридических терминов скорее носит «декоративный» характер. Их использование не даёт ничего нового в содержательном аспекте тем нормам, которые суды применяют для решения дела. Продемонстрированная связь современной терминологии с римским правом не раскрывается судами при толковании или применении таких терминов.

Использование латинских юридических максим как правил и принципов.

Гораздо интереснее обстоит дело с обращением к тому, что в решениях суды обычно обозначают как правила, презумпции, принципы, общеправовые принципы, основополагающие принципы. В таких случаях суды непосредственно применяют то или иное правило, вытекающее из латинского юридического выражения. Это может делаться и без указания на наличие аналогичного правила в действующем российском законодательстве. В некоторых случаях суды даже не пытаются дать разъяснение на русском языке тому положению, которым они руководствовались, что нельзя оценить положительно, так как стороны спора могут просто не понять, на основании чего судом сделан вывод. Чаще всего суд всё же даёт пояснение в виде перевода той конструкции на латинском языке, которую применил. Но в отличие от рассмотренных выше случаев использования юридических терминов, здесь на первое место выдвигается именно латинская юридическая конструкция, а пояснение на русском языке носит лишь вспомогательный характер.

Среди таких случаев можно отметить:

«Правило *venire contra factum proprium* (никто не может противоречить собственному предыдущему поведению)» было использовано при раскрытии содержания основных начал гражданского законодательства. Со ссылкой на это правило суд, например, установил, «что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения; таким поведением является в частности

---

⁴ Решение Тимирязевского районного суда г. Москва от 21 мая 2012 г по делу № 2-1175/12

⁵ См., например, Апелляционное определение Верховного Суда Республики Хакасия от 10 июля 2014 г. по делу № 33-1562/2014

⁶ См., например, Определение Промышленного районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания № 11-4/13 от 11 апреля 2013 г.

поведение, не соответствующее предшествующим заявлениям или поведению стороны, при условии, что другая сторона в своих действиях разумно полагалась на них»⁷.

«Правило *summum jus est summa injuria* – самый строгий закон есть величайшая несправедливость» применено судом при толковании пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации. В частности суд сделал вывод, что ограничительное толкование данного положения «приводило бы к лишению добросовестных участников оборота в споре с не участвующим в сделке супругом по поводу недвижимой вещи, всякой защиты, а деятельность суда сводило бы к "механическим" констатациям факта отсутствия нотариально удостоверенного согласия на совершение сделки по принципу "нет согласия нет сделки" и лишало бы его возможности в таком споре встать на защиту добросовестной стороны, что в силу отведенной ему роли в правовом государстве является недопустимым ни при каких обстоятельствах»⁸.

«Общеправовой принцип *ex injuria jus non oritur* (нарушение права не может быть источником права)» позволил разрешить случай с нарушением Правил внутреннего распорядка одним из осуждённых. Так, на основании данного принципа суд сделал вывод, что заявитель «не может ссылаться в качестве обоснования собственного нарушения Правил внутреннего распорядка на необеспеченность отряда необходимыми помещениями и мебелью, также как и на факторы нахождения иных осужденных на спальнях местах»⁹.

«Принцип *jus sanguinis* (право крови)» используется при решении споров, связанных с вопросами гражданства. Например, со ссылкой на этот принцип суд разъяснил, почему дети истицы, рождённые в браке от гражданина РФ, тоже являются гражданами РФ¹⁰.

На основании «презумпции *fraus et jus nunquam cohabitant*» (обман и правосудие никогда не совмещаются), суды могут делать выводы о злоупотреблении правом. Такую оценку на основании данной презумпции получили действия, направленные на «Искажение процессуальной истины, доведение до суда информации, не соответствующей действительности»¹¹.

В заключение стоит привести пример разрешения коллизии между положениями Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Без каких-либо дополнительных разъяснений суд отдал предпочтение положением последнего в силу того, что он представляет собой по отношению к ГК РФ *«lex specialis»*¹².

К данной категории относятся и случаи применения судами таких юридических максим как *«ultra vires»* и *«nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse habet»*. Практику применения данных максим рассмотрим отдельно.

Применение максимы «ultra vires» - с превышением полномочий

---

⁷ Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 12 ноября 2019 г. по делу № 2-3731/2019, Решение Кировского районного суда г. Перми от 23 мая 2019 г. по делу № 2-1595/2019

⁸ Решение Андроповского районного суда Ставропольского края от 5 марта 2019 г. по делу № 2-22/2019

⁹ Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска от 4 мая 2017 г. по делу № 2А-1924/2017

¹⁰ Решение Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 29 января 2020 г. по делу № 2А-164/2020

¹¹ Решение Минераловодского городского суда Ставропольского края от 11 февраля 2013 г. по делу № 2-1191/2012

¹² Решение Верховного Суда Республики Коми от 26 мая 2020 г. по делу № 3А-158/2020

Среди проанализированных дел упоминание максимы «*ultra vires*» судами общей юрисдикции было зафиксировано лишь один раз. Таким актом оказалось определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2022 г. по делу № А41-25502/2021. Суд обратился к этой максиме в контексте оценки ненормативных правовых актов, принятых таможенными органами. В частности, Верховный Суд РФ отметил, что *«ненормативный правовой акт является недействительным и не может выступать основанием для возложения обязанностей на граждан и организаций, ограничения их прав, свобод и законных интересов, если он издан с превышением полномочий (ultra vires), то есть принят по вопросу в сфере публичного права, решение которого не относилось к компетенции данного органа по существу (относилось к компетенции иных органов публичной власти)»*.

Сразу стоит отметить, что принятие акта за пределами полномочий является основанием для признания его недействительным и без обращения к данной латинской юридической максиме. В практике представлено огромное число споров, в которых акты признавались недействительными по причине принятия за пределами полномочий принявшего их органа без обращения к максиме «*ultra vires*»¹³. У судов общей юрисдикции не возникает необходимости в использовании на практике данной латинской максимы. Это примечательно в сравнении с практикой арбитражных судов, в которой выявлены более 30 дел, в которых максима «*ultra vires*» была использована при мотивировке вынесенного решения.

Среди таких дел, рассмотренных арбитражными судами, следует выделить более 10 случаев, в которых суды прямо цитировали указанное выше определение Верховного Суда РФ при анализе актов таможенных органов. Суды дословно цитировали акт ВС РФ в итоге делая вывод о соответствии акта таможенного органа закону и компетенции органа¹⁴.

Помимо этой группы дел к максиме «*ultra vires*» активно обращается в своей практике только Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд. При признании того, что акт принят за пределами полномочий какого-либо органа суд неоднократно делал оговорку, что такой акт является «*ultra vires*», затем следовало пояснение, что это значит.

Суд оценивал акты, принятые органами организаций. Например, решение общего собрания об утверждении положения о Совете ассоциации в части, наделяющей Совет полномочиями по утверждению иных взносов и тарифов был было оценено *«как акт ultra vires (принятый за пределами полномочий общего собрания, не имеющего права в силу прямого указания закона делегировать исключительные полномочия, которыми законодатель наделил только и исключительно высший орган ассоциации)»*¹⁵. Интересно то, что решение органа организации может оказаться принятым не только за пределами

---

¹³ См., например, Решение Кисловодского городского суда Ставропольского края от 2 августа 2019 г. по делу № 2А-1219/2019, Решение Бокситогорского городского суда Ленинградской области от 24 августа 2016 г. по делу № 2-1212/2016; Решение Буйского районного суда Костромской области от 22 августа 2012 г. по делу № 2-687/2012

¹⁴ См., например, Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 ноября 2023 года по делу № А41-2963/23; Решение Арбитражного суда Сахалинской от 02 ноября 2023 года по делу № А59-6280/2022; Решение Арбитражного суда Сахалинской от 02 ноября 2023 года по делу № А59-6279/2022; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 27 сентября 2023 года по делу № А11-476/2023; Решение Арбитражного суда Владимирской области от 08 июня 2023 года по делу № А11-476/2023; Решение Арбитражного суда Московской области от 31 августа 2023 года по делу № А41-2963/23

¹⁵ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07 июля 2023 года по делу № А32-353/2023; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июня 2023 года по делу № А32-2984/2023

полномочий именно этого органа в рамках организации, но за рамками полномочий всей организации¹⁶.

Оценке подлежали и акты органов власти. К примеру, были проверены приказ Росавиации¹⁷ и решение о передаче арестованного имущества на ответственное хранение следователя Следственного комитета РФ¹⁸. Интересным представляется то, что в первом из указанных случаев суд установил отсутствие «явного выхода за пределы предоставленных полномочий». Использование подобных формулировок может поставить под сомнение вывод суда, так как может сложиться впечатление, что возможен «неявный выход» за пределы полномочий. При оценке принятых актов вывод о том, в рамках полномочий действовал принявший их орган или нет должен быть однозначным.

Применение максимы «*nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*» - никто не может передать другому больше права, чем имеет сам

Данная максима римского частного права, сформулированная Ульпианом воспринята многими правовыми системами, в том числе отражена и в нормах российского Гражданского кодекса. Так как этот принцип воспринят и нашим законодателем у правоприменителя далеко не всегда возникает желание обращаться к истокам данного положения. Можно обнаружить большое число споров, в которых суды прямо указывают, что «никто не может передать прав больше, чем имеет сам», но без отсылок непосредственно к указанной максиме¹⁹.

Всего было обнаружено 21 решение судов, в которых при обращении к данному правилу указывалась сама латинская юридическая максима. Форма её применения, указание на неё и поводы для обращения к ней были достаточно разнообразны.

Из указанных 21 решений лишь 2 были приняты судами общей юрисдикции. Так Реутовский городской суд Московской области на основании данной максимы разрешал споры, связанные с уступкой права требования к застройщику. Суд взял в кавычки саму максиму на русском языке, демонстрируя устойчивый характер этого выражения и его отличие от простого изложения позиции суда. При этом в скобках приводилась максима на латыни. Примечательно, что в этих решениях при использовании латыни суд допустил ошибку, написав «*habet*» вместо «*haberet*»²⁰.

В практике арбитражных судов, связанных с использованием этой латинской максимы необходимо обратить внимание на следующие моменты, демонстрирующие отсутствие единообразных механизмов использования латинских юридических максим.

В некоторых решениях суд, изучив обстоятельства дела приходил к выводу, что одно лицо не могло передать другому право, так как само им не обладало. После чего добавляется комментарий без дополнительных пояснений: «*nemo plus iuris ad alium*

---

¹⁶ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08 сентября 2017 года по делу № А32-60/2016

¹⁷ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2020 года по делу № А32-8785/2020

¹⁸ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2019 года по делу № А53-25930/2018

¹⁹ См., например, Решение Левобережного районного суда г. Воронежа от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-2416/2019; Решение Свердловского районного суда г. Красноярска от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-458/2019; Решение Киришского городского суда Ленинградской области от 14 июня 2019 г. по делу № 2-1081/2018

²⁰ Решение Реутовского городского суда Московской области от 9 февраля 2017 г. по делу № 2-3028/2016; Решение Реутовского городского суда Московской области от 15 февраля 2017 г. по делу № 2-384/2017

transferre potest, quam ipse haberet (никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам)»²¹. Подобная дополнительная информация в судебном решении не имеет какой-либо ценности. Выглядит это так, будто суд просто вписал непонятную фразу без видимых причин в текст решения, никак это не объяснив. Человек без специального юридического образования скорее всего окажется в замешательстве пытаясь понять данную часть решения суда.

Ещё более странным выглядят случаи, когда латинская максима заменяет собой все пояснения на русском языке. Это выглядит, например, так: «*поскольку сторона спора не являлась собственником отчуждаемых земельных участков, она не могла передать никакого права собственности на соответствующие земельные участки, поскольку Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*»²². В таком случае возникают вопросы к понятности, ясности и обоснованности решения. Не очевидно, чем мотивирован вывод суда, на какую норму он опирается, на каком языке написано решение.

Ссылка на данную максиму может сопровождаться указанием, что это некий принцип («...в силу принципа *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet* – никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам»...)²³. Подобная ссылка также представляется недостаточно информативной. Более понятным является вариант, когда суд ссылается на «основополагающий принцип гражданского права - никто не может передать другому больше права, чем имеет сам», после чего в скобках приводит максиму на латыни²⁴. В таком варианте становится понятным, почему суд руководствуется этим положением. Помимо определения данной максимы как основополагающего принципа гражданского права можно столкнуться с тем, что она обозначается как «общеправовой принцип»²⁵, «базовый принцип обязательственного права»²⁶ или «правило» («В рассматриваемой ситуации действует правило...»)²⁷.

В части решений суды пытались указать на источники и происхождение данной максимы. Например, «...делает невозможным переход такого права к истцу. Принцип, сформулированный Домицием Ульпианом (лат. *Domitius Ulpianus*), гласит: «Никто не может передать другому больше права, чем имеет сам» (лат. *Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*)»²⁸, «...уместно привести известную максиму из *Дигест Юстиниана* – «*Nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse haberet*» (D.50.17.54) – Никто не может передать другому прав больше чем имеет сам»²⁹.

Встречаются и комбинации этих вариантов, например, одновременное указание на то, что применяется некий принцип, источником которого выступает при этом не действующее

²¹ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 02 июня 2021 г. по делу № А76-3886/2021; Решение Арбитражного суда Челябинской области от 30 мая 2022 года по делу № А76-19354/2021

²² Решение Арбитражного суда Ростовской области от 25 октября 2019 г. по делу № А53-26564/18

²³ Решение Арбитражного суда Челябинской области от 23 сентября 2019г. по делу № А76-8204/2019

²⁴ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2018 года по делу № А32-32191/2015; Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 23 июля 2018 года по делу № А32-32191/2015; Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06 февраля 2017 г. по делу № А32-44498/2016; Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 25 июля 2017 г. по делу № А32-32191/2015

²⁵ Решение Арбитражного суда Ивановской области от 12 февраля 2018 года по делу № А17-6267/2017; Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15 декабря 2016 г. по делу № А40-28391/16-160-54

²⁶ Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 23 июля 2014 г. по делу № А32-9138/2011

²⁷ Решение Арбитражного суда Пермского края от 03 августа 2017 года по делу № А50-4640/17

²⁸ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 31 марта 2022 г. № А32-42409/2021; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.12.2017 года по делу № А40-65071/17-110-612

²⁹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 26 июля 2019 года по делу №А32-22265/2018

российское законодательство, а «*D. 50. 17. 54. Ulpianus libro 46 ad edictum*»³⁰. Вызывает большие сомнения, что, исходя из такого указания, сторонам спора будет понятно, что речь идёт про 54 фрагмент 17 титула 50 книги Дигест Юстиниана, с указанием на высказывание Ульпиана в 46-й книге «Комментариев к эдикту». А даже если сторона спора сможет это понять, открытым останется вопрос о том, почему этот акт римского права применяется для решения гражданского спора в современной России.

В заключение следует отметить, что почти все указанные выше споры касались вопроса передачи прав в рамках многосторонних сделок, и лишь одно дело касалось односторонней сделки – выдачи доверенности. И в этом случае суд, оценивая содержание доверенности, также исходил из того, что нельзя в доверенности передать полномочия, которыми лицо само не обладает, «*ведь согласно общеправовому принципу *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet* (никто не может передать другому больше права, чем имеет сам)*»³¹.

Выводы по результатам анализа:

Проведённый анализ правоприменительной практики показал, что суды учитывают связь современного, в первую очередь гражданского, права с римским правом, что даёт им основания использовать юридические конструкции, которые прямо могут быть не закреплены в отечественном законодательстве, но «вытекают из его природы».

Зачастую латинские юридические максимы применяются без указания на природу их происхождения. В этих случаях используется их русскоязычный вариант. Однако нередки и случаи использования данных максим и некоторых латинских терминов в исходном виде. Эти случаи можно разделить на две группы – объяснение происхождения современных терминов, использованных в законе, и самостоятельное применение.

В тех делах, где латинские максимы имеют самостоятельное значение, следует отметить проблемы их использования. Суды не единообразно понимают природу этих явлений – это принципы права или какие-то правила, общеправовые или отраслевые принципы и т.д. Обращаясь к этим максимам суды не дают достаточных разъяснений о том, почему эти положения применимы сегодня, почему на их основании можно разрешить тот или иной вопрос. Более того, суды не всегда даже разъясняют ту максиму, которую применяют, даже на уровне её перевода на русский язык. Подобный подход нельзя признать допустимым. Судебное решение, вынесенное на основании латинских юридических максим, без их разъяснения и даже перевода не может считаться понятным, ясным и обоснованным.

Круг ситуаций, в которых суды могут обращаться к латинским максимам не ограничивается гражданско-правовыми спорами. Они применяются и в рамках административных споров, например, при оценке административных актов.

Сами латинские максимы судами воспринимаются скорее как некие специальные юридические термины, применение которых не требует обязательного перевода на русский язык, разъяснения их смысла, оправдания их применения. Достаточных оснований для такого подхода к латинским максимам обнаружено в ходе исследования не было.

---

³⁰ Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 10 ноября 2014 года по делу № А32-33471/2013; Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 22 июля 2014 г. по делу № А32-38839/2011; Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 29 января 2014 г. по делу № А32-36853/2012

³¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 октября 2016 года по делу № А40-103269/16

Список использованных в отчёте судебных решений:

1. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Хакасия от 10 июля 2014 г. по делу № 33-1562/2014;
2. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15 декабря 2016 г. по делу № А40-28391/16-160-54;
3. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 10 ноября 2014 года по делу № А32-33471/2013;
4. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 22 июля 2014 г. по делу № А32-38839/2011;
5. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 23 июля 2014 г. по делу № А32-9138/2011;
6. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 23 июля 2018 года по делу № А32-32191/2015;
7. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 25 июля 2017 г. по делу № А32-32191/2015;
8. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 29 января 2014 г. по делу № А32-36853/2012;
9. Определение Промышленного районного суда г. Владикавказа Республики Северная Осетия-Алания от 11 апреля 2013 г. по делу № 11-4/13;
10. Определение Центрального районного суда г. Кемерово от 19 июня 2013 г. б\н;
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 октября 2016 года по делу № А40-103269/16;
12. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 ноября 2023 года по делу № А41-2963/23;
13. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 27 сентября 2023 года по делу № А11-476/2023;
14. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2018 года по делу № А32-32191/2015;
15. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07 июля 2023 года по делу № А32-353/2023;
16. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08 сентября 2017 года по делу № А32-60/2016;
17. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2019 года по делу № А53-25930/2018;
18. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июня 2023 года по делу № А32-2984/2023;
19. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2020 года по делу № А32-8785/2020;
20. Решение Андроповского районного суда Ставропольского края от 5 марта 2019 г. по делу № 2-22/2019;
21. Решение Арбитражного суда Владимирской области от 08 июня 2023 года по делу № А11-476/2023;
22. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.12.2017 года по делу № А40-65071/17-110-612;
23. Решение Арбитражного суда Ивановской области от 12 февраля 2018 года по делу № А17-6267/2017;
24. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06 февраля 2017 г. по делу № А32-44498/2016;
25. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 26 июля 2019 года по делу № А32-22265/2018;

26. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 31 марта 2022 г. № А32-42409/2021;
27. Решение Арбитражного суда Московской области от 31 августа 2023 года по делу №А41-2963/23;
28. Решение Арбитражного суда Пермского края от 03 августа 2017 года по делу № А50-4640/17;
29. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 25 октября 2019 г. по делу № А53-26564/18;
30. Решение Арбитражного суда Сахалинской от 02 ноября 2023 года по делу № А59-6280/2022;
31. Решение Арбитражного суда Сахалинской от 02 ноября 2023 года по делу № А59-6279/2022;
32. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 02 июня 2021 г. по делу № А76-3886/2021;
33. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 23 сентября 2019г. по делу № А76-8204/2019;
34. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 30 мая 2022 года по делу № А76-19354/2021;
35. Решение Бокситогорского городского суда Ленинградской области от 24 августа 2016 г. по делу № 2-1212/2016;
36. Решение Буйского районного суда Костромской области от 22 августа 2012 г. по делу № 2-687/2012;
37. Решение Верховного Суда Республики Коми от 26 мая 2020 г. по делу № 3А-158/2020;
38. Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 29 сентября 2014 г. по делу № 2-2283/2014;
39. Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 30 марта 2011 г. по делу № 2-343/2011;
40. Решение Киришского городского суда Ленинградской области от 14 июня 2019 г. по делу № 2-1081/2018;
41. Решение Кировского районного суда г. Перми от 23 мая 2019 г. по делу № 2-1595/2019;
42. Решение Кисловодского городского суда Ставропольского края от 2 августа 2019 г. по делу № 2А-1219/2019;
43. Решение Левобережного районного суда г. Воронежа от 20 февраля 2020 г. по делу № 2-2416/2019;
44. Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска от 4 мая 2017 г. по делу № 2А-1924/2017;
45. Решение Минераловодского городского суда Ставропольского края от 11 февраля 2013 г. по делу № 2-1191/2012;
46. Решение Реутовского городского суда Московской области от 15 февраля 2017 г. по делу № 2-384/2017;
47. Решение Реутовского городского суда Московской области от 9 февраля 2017 г. по делу № 2-3028/2016;
48. Решение Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 29 января 2020 г. по делу № 2А-164/2020;
49. Решение Свердловского районного суда г. Красноярска от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-458/2019;
50. Решение Советского районного суда г. Волгограда от 17 мая 2011 г. по делу № 2-1274/2011;
51. Решение Тимирязевского районного суда г. Москва от 21 мая 2012 г по делу № 2-1175/12;

52. Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 12 ноября 2019 г. по делу № 2-3731/2019.